

Отзыв на автореферат диссертации
Кузьмина Сергея Львовича
«Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.:
трансформация отношений религии и государства
в процессе становления независимости»
на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.
(Новое и новейшее время), М., 2016, 38 с.

Становление независимой монгольской государственности и роль в этом процессе буддийской религии входят в число важнейших научных проблем современной истории Востока. В условиях возрастаания роли религиозного фактора в современных geopolитических, национальных, этнических, идеологических, социальных, культурных и духовных процессах изучение воздействия и взаимосвязи религии и государственности представляют собой не только фундаментальную, но и прикладную, остроактуальную проблему как современных гуманитарных наук, так и нынешней политики.

В свете вышеизложенного появление автореферата диссертации С.Л. Кузьмина можно только приветствовать. Диссертация С.Л. Кузьмина посвящена анализу трансформации отношений буддизма и государственных структур в Монголии с начала XX столетия до 1939 г., когда буддийские монастыри в Монголии были окончательно закрыты, а буддийское монашество (ламы) в значительной степени репрессированы социалистическим правительством.

Автор прослеживает объективные предпосылки формирования теократической государственности в Монголии, которая была провозглашена в 1911 г., показывает важную роль теократии в развитии собственно монгольской государственности между 1911 и 1921 г., выявляет эволюцию взаимодействия социалистического правительства Монгольской народной партии (с 1924 г. – Монгольской народной революционной партии) от сотрудничества с буддийским духовенством в период 1921–1924 гг. до открытого подавления традиционных религиозных представлений и ликвидации буддийских монастырей в 1924–1939 гг., наряду с колебаниями этого общего курса на борьбу с религией.

Автореферат диссертации в целом позволяет получить представление об основных идеях и результатах исследования. Вместе с тем в ряде случаев тезисы автореферата изложены недостаточно чётко и убедительно.

Во-первых, предметом исследования называются «предпосылки, механизмы и процесс развития буддийских структур Монголии от их возникновения до демонтажа в ходе трансформации монархической государственности в социалистическую» (с. 12), но в автореферате не определяется понятие «буддийские структуры», и читателю остаётся только гадать, относятся ли ламы (буддийские монахи) к буддийским структурам или же к ним принадлежат только монастыри и основные институты теократии.

Во-вторых, предложение «Благодаря поддержке цинскими императорами буддийской иерархии Монголии она формировала альтернативный цинскому центр влияния и консолидации монголов» (с. 19) означает, что Цинь создавали себе политических оппонентов в

лице буддийского духовенства у монголов, но тогда возникает вопрос, зачем они это делали.

В-третьих, невозможно понять изложение раздела 2.2. «Пребывание Далай-ламы XIII в Халхе»:

«[Раздел] посвящен обсуждению российских и монгольских архивных материалов о бегстве Далай-ламы XIII из Тибета во Внешнюю Монголию и его пребывании там в 1904–1906 гг. Вопреки распространённому мнению, имел место не личный конфликт Далай-ламы с Богдо-гэгэном, а недовольство Далай-ламы, вызванное интригами и разногласиями между их приближенными, использовавшимися цинской администрацией для разделения обоих иерархов с целью удаления Далай-ламы из Монголии. Вследствие давления Пекина они старались скрывать свои контакты» (с. 20).

Тут не ясно, то ли бегство Далай-ламы из Тибета было вызвано недовольством Далай-ламы, то ли это недовольство Далай-ламы возникло уже во время его пребывания в Монголии; не ясно, кто старался «скрывать свои контакты»: Далай-лама и Богдо-гэгэн друг с другом или приближенные Далай-ламы и Богдо-гэгэна – с цинскими чиновниками; не ясно, почему, кем и/или чем был недоволен Далай-лама.

В-четвёртых, обсуждение социальной структуры теократической Монголии не содержит определения используемых диссертантом базовых терминов. Утверждать, что «в Монголии высшие ламы не были феодалами, араты-шабинары не были крепостными» (с. 23;ср. с. 15 и 30: «“духовных феодалов” в Монголии не было») корректно только в том случае, если дано определение термину «феодал». То есть не ясно, что именно отрицает либо утверждает диссертант.

Отдельные тезисы автореферата не получают логического развития в последующем изложении. Так, формулировка основной

рабочей гипотезы на с. 12–13 «теократия в Монголии была важным фактором становления независимой государственности на основе монгольского традиционализма и буддийской религии, трансформация отношений государства с которой в 1921–1939 гг. была направлена на смену парадигмы легитимности власти» никак не комментируется в Заключении (с. 28–31). Более того, эта новая парадигма легитимности, пришедшая на смену монгольскому традиционализму и буддийской религии, никак не называется – не считать же ею указание на социалистический характер правительства МНП/МНРП.

Здесь кроется одна из самых больших проблем, изучаемых в диссертации, – причины борьбы с буддийской церковью в Монголии. Диссертант, отмечая множественность мер правительства Монгольской народной республики по укреплению своей власти, в том числе лишение политической власти Богдо-хана, «обложение налогами феодалов и богатых лам» (с. 24), отделение церкви от государства, лишение титулов знати, избирательных прав хубилганов и князей, создание религиозной администрации при монастырях (с. 25), а в 1930-е гг. – запрет приёма в монастыри, лишение монахов прав суда внутри монастыря, а далее конфискация монастырского имущества и закрытие храмов и монастырей, объясняет эти действия монгольского руководства в первую очередь решениями руководства СССР и Коминтерна, в частности И.В. Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) (с. 30, 26). По мнению диссертанта, монгольское правительство руководствовалось рекомендациями руководства СССР и Коминтерна «из-за отсутствия средств, знаний и опыта государственного строительства и международных отношений» (с. 30).

Не отрицая документально подтверждённого участия руководства СССР в преобразованиях в Монголии (такое отрижение было бы нелепостью), следует всё же задаться вопросом, почему монгольское руководство с такой прямотой и последовательностью принимало советские директивы. Мне представляется, что это происходило не только и не столько вследствие отмеченного диссертантом «давления» СССР на Монголию и «отсутствия средств, знаний и опыта», сколько вследствие банальной борьбы за власть между старыми правящими группами (классами) Монголии в лице лам и нойонов (духовенства и феодалов) и новой правящей группой (классом) Монголии в лице МНРП. Именно эта борьба за материальные и духовные ресурсы лежала в основе ликвидации буддийской теократии и буддийских монастырей. Победа МНРП и социалистической государственности в условиях сохранения традиционных властных групп (традиционного правящего класса) была бы неустойчивой и, вероятно, в целом невозможной. Директивы руководства СССР в данном случае совпадали с намерениями самой новой монгольской правящей партии – любой ценой подчинить себе все имеющиеся в стране (объективно немногочисленные) ресурсы. Поэтому они и выполнялись с такой последовательностью.

Из технических замечаний наиболее существен пропуск слова «государственный» в названиях Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного военного архива (РГВА) (с. 14).

Несмотря на эти соображения, исследование С.Л. Кузьмина соответствует пункту 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации 24 сентября 2013 г. № 842, а С.Л. Кузьмин заслуживает

присуждения ему искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история. (Новое и новейшее время).

Захаров Антон Олегович
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
ФГБУН Института востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
+7-909-687-96-15
Zakharov_anton@mail.ru

3/

1

«Подпись руки тов. А.О. Захарова подтверждаю»

Ученый секретарь ФГБУН Института востоковедения РАН
кандидат исторических наук

А.В. Демченко

16.01.2017г.